

VI. Документы

В.С.Семенов о Сталине.

Предисловие и комментарии Елены Семенович и Бориса Хавкина

Предисловие

Журнал «Форум» вновь обращается к дневниковым записям заместителя министра иностранных дел СССР, бывшего советского посла в Германии В.С. Семенова, (см. нашу публикацию в «Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte“ 2/2004).

Дневники Семенова обширны и «многослойны», в них встречается множество имен. Но чаще других Семенов упоминает имя Сталина. Это понятно. Семенов не мог не увлекаться этой фигурой, поскольку сам являлся человеком сталинской эпохи. Семенов сформировался в сталинское время, занимал высокие посты в сталинской номенклатуре, находился под непосредственным влиянием людей из «ближнего круга» Сталина.

В записях Семенова преобладает внешнеполитическая сторона деятельности Сталина. Это и понятно: Семенов был одним из руководителей советской внешней политики более полувека.

Семенов лично общается со Сталиным. Чаще всего - совместно с лидерами ГДР: Пиком, Гротеволем, Ульбрихтом. Эти встречи многократно описаны в дневниках. Таким образом, тема Сталина, проходя красной нитью через все дневниковые записи Семенова, переплетается с другой главной темой – германской.

Но чувство уважения к Сталину не было для Семенова «обожествлением вождя»: Так, Семенова очень расстроило название «Сталин-аллее»: он, понимая всю нелепость такого названия, пытался доказать немцам, что Сталин не является частью истории Германии, и что лучше бы назвать главную улицу восточного Берлина именем Гёте или Шиллера. Но, как пишет Семенов, «немцы уперлись».

В хрущевские и брежневские времена в СССР аналитических работ о Сталине (мы не говорим о «там- и самиздате») практически не было. Тема Сталина и сталинизма в СССР всегда освещалась конъюнктурно, в соответствии с «колебаниями генеральной линии партии». Тем ценнее были устные (отчасти правдивые, отчасти полуполюгендарные) рассказы о Сталине. Их рассказывали люди, которые

лично знали Сталина. Семенов собирал эти предания, записывал их в свой дневник, всегда указывая, что и от кого он услышал.

Но Семенов так и не написал политический портрет Сталина. Он набросал лишь отдельные штрихи к этому портрету.

В дневниках Семенова нет образа Сталина-тирана и Сталина-самодура, как почти нет Сталина как инициатора и руководителя массовых репрессий (за исключением темы репрессий против партийных кадров и командиров Красной Армии). Почему? Потому что таково было мышление многих советских людей сталинского времени, близких к политической власти. Критикуя Сталина, или отмечая достоинства Сталина, они не критиковали сталинизм как систему, составляющую основу советской власти от Сталина до Горбачева. Они просто жили в этой системе. Сказанное полностью относится и к Семенову: он был человеком этой системы и не мог (да и не хотел) выйти из нее.

Елена Семенова,
Борис Хавкин

Из дневниковых записей разных лет

Без даты.

Я никого не могу обидеть, или бояться обидеть, как боялись другие мемуаристы. Я могу назвать вещи своими именами – понравится это кому или не понравится. Я могу сказать о Сталине, что знаю и думаю, но дело не в Сталине или его «окружении», дело в эпохе, во времени, в низком исходном уровне и в подъеме на высоту. А сейчас мы на другой высоте и опуститься вниз не должны и не можем. Судить неподдельно – это единственно верно и нужно.

10 мая 1964 г.

На днях я слышал на приеме разговор военных (Малиновский,¹ Бирюзов²) и цекистов (Микоян или Подгорный³) о Сталине и Германии. Военные критиковали, что в Калининградской области разрушены ирригационные каналы. «Это вы так разрушили, что с тех пор не восстановили», - возразил Микоян. - «Нет, Сталин сознательно разрушал. Он не верил, что мы останемся в Германии, и боялся, что все это снова будет против нас». - «Да, иначе нельзя понять, почему разрушали»- «Он верил и не верил. У него было две установки. Даже если бы мы не

¹ Малиновский Родион Яковлевич – маршал Советского Союза, министр обороны СССР.

² Бирюзов Сергей Семенович - маршал Советского Союза, начальник Генштаба вооруженных сил СССР.

³ Подгорный Николай Викторович – секретарь ЦК КПСС в 1963 – 1965 гг., Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1965-1977 гг.

удержались в Германии, то это было бы величайшей победой для России. Понимаете! Но не для коммунистов».

31 мая 1964 г.

Вчера впервые узнал, что Молотов был против распространения обязательств по Варшавскому договору на ГДР (и Албанию). И в этом он повторял Сталина, который хотел использовать ГДР как предмет борьбы, но не был уверен, что сможет удержать эту позицию. Значит, Берия вел ту же линию, но хотел только форсировать ее летом 1953 года. И провалился как раз на этом. Здесь был уже бой Хрущева с наследством Сталина, и с его Яго. Правда, в этом бою Молотов был на стороне Хрущева и он собирал лихорадочно аргументы в поддержку ГДР, рассыпая мои записки членам ПБ⁴ с изложением аргументации. А для меня это был вопрос жизни, так как на этом поприще почти сгорел тогда.

12 октября 1964 г.

Вчера на аэродроме беседовал с председателем Ревкомиссии ЦК Андровской. Она говорила о жестокостях Сталина, но тут же заговорила о Берия. «Иван Грозный (читай: Сталин) был жесток, но знал, чего хотел. А этот (Берия) был только лют, он уничтожал даже уборщиц и шоферов, которые обслуживали его и знали кое-что о порядках у него. С Берия все и началось, он и настраивал Сталина в эту сторону». Я рассказал о том, как Сталин в последние годы боялся покушения, прятался, менял каждую ночь места сна и умер на диване в биллиардной. «Вот ведь болезнь-то какая, - заметила Андровская, - а ему было чего бояться. В США убрали президента, раз негоден стал для своего класса, а у нас это как-то не принято было. А в последнее время все чувствовали и видели это, да и в народ проникало, говорить уже стали. Но никто не решался сделать выводы»...

15 мая 1965 г.

С 7 по 12 мая был в ГДР в составе партийно-правительственной делегации, возглавлявшейся А.Н. Косыгиным... В поездке сблизился с Председателем Президиума Верховного Совета Белоруссии В.И. Козловым, организатором партизанской войны в тылу немцев. Он рассказывал о двух встречах со Сталиным во время войны. «Он сказал мне, что есть предложение военных о снабжении партизан танками, артиллерией и др. Они, мол, не учитывают природы партизанской войны и только прикрепили бы вас на место. А вся суть партизан в нападениях на слабые пункты, в отходе и неуловимости». Сталин посоветовал взять легкое оружие, мины и др. Словом, он лично вникал в дело, отнюдь не играя роли орудия «специалистов». «А Хрущев держался в тени и боялся Сталина».

⁴ Политбюро ЦК КПСС.

20 августа 1965 г.

Сегодня на приеме в Кремле имел неожиданно интересный разговор с К.Е. Ворошиловым... Я заметил, что давно не видал В.М.⁵ Он отозвался: «Я тоже давно его не видал. Они все примякли». Я сказал, что несмотря ни на что уважал и уважаю его. «Да, это крупный деятель. Хотя он сыграл нехорошую роль со Сталиным?»

«Видите, Сталин был очень оригинальный человек. Он привыкал к людям и верил им, если раз поверил. А В.М. ездил в Берлин после заключения договора с немцами⁶, провел там хорошие переговоры и наговорил Сталину, как его принимали, а принимали хорошо. И Сталин поверил немцам. Когда Черчилль прислал первую телеграмму, что Гитлер готовит нападение на нас, Сталин не поверил. Он выругался матерно на него (любил ругаться матерно!) и сказал, что этот старый черт интригует. Потом Сталин получил вторую телеграмму от Черчилля о том же. Он подошел ко мне и сказал: «Опять твой старый друг болтает, что немцы нападут на нас». И снова обругал Черчилля. Я сказал: «Он мне такой же друг, как и тебе. А почему ты думаешь, что они не нападут?!» Мы ехали тогда в машине, Сталин отрицал, ссылаясь на договор, он верил в него. А на утро немцы напали на нас, и Черчилль был прав... Он хотел предупредить нас, позднее у него были очень хорошие отношения со Сталиным. Сталин так расстроился, что слег в постель и дней пять не мог совершенно вставать. На него так подействовало вероломство немцев; мы бы никогда этого не сделали – нарушить договор спустя несколько месяцев после подписания!.. Это подло. Только постепенно Сталин овладел собой и поднялся с кровати. И вот в это время В.М. стал говорить, что надо прогнать Сталина, что он не может руководить партией и страной. Мы ему стали объяснять, что Сталин доверчив и у него такой характер. Но Молотов слышать не хотел, он не понимал особенности Сталина. И так далее...

Потом Ворошилов взглянул на меня так, будто хотел заглянуть в самую душу: «А Вы думаете правильно поступили со Сталиным? После смерти?»

Я ответил, что с самого начала думал и продолжаю думать, что поступили неверно, хотя сужу об этом с других позиций – нельзя сбивать с толку молодежь и развенчивать партию.

«Совсем неверно, - горячо заговорил Ворошилов. – Ведь Сталин стоял у руководства партией 30 лет. 30 лет вел без Ленина по ленинскому пути. И построили другую страну. Надо понять, тогда обстановка совсем другая была, чем сейчас: много было подлых людей, вроде Троцкого, да и в правительстве не было единства. Многие не хотели признавать руководства Сталина. Что же ему оставалось делать?! Ведь если подсчитать, сколько он арестовал и сколько этот... (он не хо-

⁵ В.М.Молотова.

⁶ Речь идет о советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. (пакте Молотова-Риббентропа) и о визите В.М.Молотова в Берлин 12-14 ноября 1940 г.

тел называть даже имени Хрущева), то, я думаю, разницы большой не будет [sic!]. А страна была другая тогда»...

Я заметил, что Сталин сделал ошибки с репрессиями.

«А вы думаете, другие не делают ошибок. Все делают ошибки, людей без ошибок не бывает. Это сказки. Надо видеть жизнь, как она есть...».

Без даты.

...Некоторые наблюдатели приходят к выводу, что Сталин планировал не только устранение некоторых руководителей партии, как консервативных догматиков, но и реформу всей компартии. Он искал врагов не там, где они оказались (ленинградское дело, дело врачей). И нельзя понять, шел ли он этими дорогами сам или же он был не в состоянии по здоровью и возрасту видеть то, что плелось вокруг под паутиной «оттепели»...

В это время у Сталина сложились очень напряженные отношения с Берия. «Сними свои змеиные очки со своих змеиных глаз», - говорил Сталин. Но он, видимо, или не дозрел еще до открытого окончательного решения, либо был не в состоянии противостоять кругу Берия–Маленков, которые действовали вопреки именно замыслам Сталина. Так, по-моему, и сложилось с так называемым «ленинградским делом». Сталин назначил после войны одного из ведущих секретарей ЦК ВКП(б) А.Н.Кузнецова, работавшего всю войну секретарем ленинградского горкома партии, поручив ему наблюдение за работой Совета министров СССР и органов госбезопасности.

А.Н.Кузнецов – молодой и решительный, смелый человек, предпринял длительное и глубокое обследование работы совмина и КГБ [так в тексте]. Нашедши очень крупные недостатки в их работе, он резко раскритиковал их в докладах на собраниях партийного актива обеих организаций.

Маленков (зам. предсовмина) и Берия (наблюдавший от ПБ за работой органов госбезопасности), опасаясь к тому же А.Кузнецова как возможного преемника Сталина, который явно благоволил ему, решили расправиться с Кузнецовым и его соратниками. Начали исподволь подбрасывать материалы против Кузнецова, но нарвавшись на отпор Сталина, решили пойти обходными путями. Был арестован третий секретарь горкома Пастухов, работавший некоторое время руководителем нашего торгпредства в Лондоне. После десятимесячного следствия с применением физических методов Пастухов признался в том, будто он был завербован в Лондоне органами «Интеллидгент сервис» и работал в этом направлении в Ленинграде.

Потом дошла очередь до первого секретаря Попкова. Материалы «ленинградского дела» докладывались Сталину (и, сколько могу предположить, Молотову). Сталин не соглашался однако на доводы против Кузнецова, но потом сдал свои позиции. За арестом Кузнецова последовала опала Н.А.Вознесенского, бывшего во время войны председателем Госплана СССР. Я знал Вознесенского по многим

заседаниям политбюро. Выходя из подъезда ЦК на Старой площади, я встретил куда-то спешившего Н.А.Вознесенского - «Как ты живешь? – спросил я его, зная об его исключении из партии. – «Ничего, все обойдется», - рассмеялся Вознесенский. Но он был арестован на другой день и казнен по «ленинградскому делу». Сколько могу судить, и заболевание А.А.Жданова, и его смерть от приступа «грудной жабы» на даче Совмина на Валдае, были как-то связаны с узлом «ленинградского дела».

Во всяком случае, коварная роль Берия и Маленкова в этом деле была предметом доклада Н.С.Хрущева на одном из пленумов ЦК гораздо после смерти Сталина. И мне до сих пор не вполне ясны контуры отношений внутри руководства ЦК ВКП(б) по этим делам в 1952 году и мотивы гневных замечаний Сталина по адресу КГБ на даче в октябре 1952 г.

15 ноября 1965 г.

Сегодня работал с группой товарищей из ЦК на бывшей ближайшей даче Сталина. Я был там в 1952 году при обсуждении вопроса об органах КГБ в Германии. Не без волнения я осматривал дом, где И.В. жил с 1932 по 1953 гг., диван, на котором он умер, спальню, где его нашли, лежащим на ковре без сознания [...] Спальня примыкает к большому залу заседаний, где он часто бывал с членами ПБ и др. Все очень своеобразно и строго. Как храм разрушенный. Все храм [...]

Без даты.

В октябре 1952 г. я в первый и единственный раз в жизни имел встречу с И.В.Сталиным на его ближней даче под Москвой... встречу «tête-à-tête» в присутствии ведущих членов политбюро ЦК. Сталин встретил меня при входе и посадил по правую руку от себя за обеденным столом на веранде. «Я знаю, Вы не пьете спиртное, это - символическая рюмочка коньячка. Знаю, Вы сын рабочего, слежу за вашей работой. Как развивается теоретическая работа в Германии? Есть интересные выступления?». Подтвердил, что в германской компартии теоретические исследования практически отсутствуют, Сталин, отпивая из рюмки грузинское вино «Хванчкара», продолжал: «К сожалению, этот интерес угас с последним из могикан Зингером» (я так и не мог потом узнать, кто был Зингер и чем он занимался в теории). «Это - большой минус: без развития теории можно надевать много ошибок. В сущности поэтому германская партия утратила после Энгельса ведущее положение в международном рабочем движении и освободительной борьбе. Да и у нас с этим плохо, дело сводится к комментированию текущих решений. Для развития теории нужно понимание роли рабочего класса, жизни всего общества. А пока наша новая, советская интеллигенция, в том числе рабочая, увлечена строительством нового общества, идейным богатством Ленина. Но жизнь идет, требует новых обобщений и подходов, приходится черпать в основном из того, что нам оставил Ленин. Есть опасность отстать от течения жизни».

Затем Сталин перешел к моему личному письму о слабостях и недостатках В.Ульбрихта. Явно реагируя на мое письмо к нему о националистических и других загибах Ульбрихта, Сталин сказал, что Ульбрихт никогда не был силен в теории и что я обязан ему в этом помогать. «Вы обратили внимание, когда Ульбрихт кладет на стол свои кулаки, кулак у него больше головы? Но он преданный нам коммунист, и в этом нет никакого сомнения. Он друг Советского Союза, и нет оснований подозревать его в чем-то. Помогать ему – это ваше дело».

Я, как обычно, не молвил ни слова, приняв во внимание этот ответ Сталина.

Сталин интересовался внутренними и внешними аспектами германской жизни, видимо, он внимательно следил за крупными событиями. Особенно его интересовал отклик на известную ноту Советского Союза от 10 марта 1952 г. насчет Германии как единого, миролюбивого, демократического государства, проведение свободных общегерманских выборов и вывод оккупационных войск из Германии спустя шесть месяцев...

Затем Сталин неожиданно спросил, как работают органы госбезопасности в Восточной Германии. – «Не могу доложить. Они действуют особняком непосредственно со своим руководством в Москве и не имеют связи с СКК⁷». – «А разве это нормально?» - «Конечно ненормально. Нам доверена оккупационная власть в зоне, а эта часть работы от нас *abgekapselt*». «Так почему же вы не протестовали, не требовали исправления?» – гневно спросил Сталин. – «Так было заведено уже в конце войны, но мы не допускали вмешательства органов КГБ [так в тексте] в большую политику». [...]. Берия присутствовал при разговоре, не проронив ни слова.

Сталин продолжал критиковать КГБ уже в общем плане.- «Это безобразие», - говорил он. Органы потеряли революционную бдительность, они перестали быть тем, чем должны быть». Сталин смотрел при этом на Берия, который в своих старомодных выпуклых очках смотрел и никак не реагировал на слова Сталина.

На другой день в 14.00 состоялось заседание политбюро, на которое был вызван из отпуска в Крыму председатель СКК маршал В.И.Чуйков. Он сидел за столом членов политбюро, я, как обычно, примостился на одном из боковых стульев. Сталин поставил тот же вопрос, что и передо мной накануне, о работе органов КГБ в Германии. – «Не могу доложить, - ответил маршал». – «Это почему?» Чуйков повторил почти дословно то, что я говорил на даче Сталину (мы не раз касались между собой этого пункта, имея общее мнение). – «А Ваше мнение, товарищ Семенов, - обратился ко мне Сталин в упор смотря на меня, расставив ноги. – «Я доложил мое мнение вчера, товарищ Сталин». – «Вчера, вчера, но ведь с тех пор-то ночь прошла», - ошарашил меня Сталин. Я промолчал смятенно, так как упрек был справедлив, Сталин, видимо, обдумывал дело и ночью, а я проспал сном младенца...

⁷ Советской контрольной комиссией.

Я читал где-то, что в это время у Сталина сложились очень напряженные отношения с Берия. «Сними свои змеиные очки со своих змеиных глаз», - говорил Сталин. Но он, видимо, или не созрел еще до открытого решения, или был не в состоянии противостоять кругу Берия–Маленков, которые организовали ленинградское дело и убрали Кузнецова А.Н., которого Сталин метил в свои преемники...

20 ноября 1965 г.

В мемуарной литературе военных идет яростный спор вокруг роли Сталина в войне. Рокоссовский, Штеменко и даже Жуков опубликовали воспоминания, благоприятные для Сталина. Другие раньше опубликовали против, в стиле под Хрущева. Такая же борьба идет и среди политиков, причем многие из молодых «профилактически», во имя предупреждения трагедии 1937 года, отчаянно борются против реабилитации самого имени Сталина. Конечно, приводятся аргументы и факты, перед которыми я не имею ничего для возражений. В общем, я стоял в те годы слишком далеко от гущи событий и не могу поэтому судить о них сколь-нибудь определенно.

27 марта 1967 г.

В воскресенье говорил с министром здравоохранения Б.В.Петровским, которого с семьей встретили на прогулке и затащили к себе... Он очень славный и умный человек, знавший близко всех руководителей. О Сталине отзывался, как об очень крупном человеке, но говорит, что последние годы он был вовсе больной и у него было кровоизлияние в мозг, и некоторое время он носил руку на повязке. Потом быстро с этим справились, но он был человек шизоидного типа и близок к психическому расстройству...

1 августа 1967 г.

Вчера выписался из больницы... В больнице имел встречи с В.М... я затронул в разговоре воспоминания авиаконструктора Яковлева «Цель жизни». «Это хорошая книжка, - поддержал В.М. «Правда, Яковлев немного приукрашивает свою роль в развитии советской авиации. Но это почти все мемуаристы делают. Трудно удержаться, видно, чтобы не похвалить самого себя. Но в целом Яковлев верно рисует роль Сталина в развитии авиации. Вообще Сталин знал военную технику конкретно, лучше всех нас. И он мог говорить о ней по существу, ставя в тупик даже специалистов. Я прочитал мемуары Воронова, где он ругает Сталина. Я не понял, почему. Это оставило неприятный осадок. Ведь именно Сталин любил артиллерию, считал ее «богом войны». Воронов знает, какой вклад сделал Сталин в ее развитие. Его воспоминания необъективны. А у Яковлева – верно»...

Затем речь зашла о Сталине. «Сталин все раскладывал по пунктам. Он любил подытожить: первое, второе, третье. Он был преимущественно пропагандистом.

А Ленин не был пропагандистом. У него не было этого». «У Ленина было более широкое мышление». Я сказал, что в его сочинениях было много загадок, вопросов, на которые он сам не давал ответа. Что-то вроде задач Эйлера, решение которых заняло полтора века математиков после Эйлера. Это я знаю по национальному вопросу. «Не только по национальному вопросу. По многим другим», – возразил В.М. «Я говорю о вопросе, которым занимаюсь. Конечно, и по другим». «Ну, да, конечно», - кивнул В.М.

19 декабря 1967 г.

Видел во сне всю трагедию вокруг Сталина. Почему-то Межлаука⁸ и его брата, хотя не знаю, был ли у него брат. И еще погибших, мне не знакомых. И самоубийство Аллилуевой, и как Сталин в сердцах, сойдя во двор кремлевской квартиры, толкнул обоими руками гроб и не поехал на кладбище. И всякое такое, включая даже Берия, которому Хрущев ответил на просьбу помилования: «А я не знаю, что ты будешь делать на Севере; куда пойдешь». И как Берия со злостью и презрением махнул, узнав, рукой.

Все это не свойственно мне: я ведь был выдвинут после чисток и был близок В.М. и другим, кто был близок именно Сталину. Вспоминал в полусне заседание ПБ (одно из последних, на котором участвовал старик), когда сознанием почувствовал на себе пристальный взгляд Сталина, поднял глаза и точно – на меня пристально смотрел он, такой, каким был на портретах, почему-то испытующе. Я смутился, он тоже. Думается, он любил меня, но не нашептал ли кто ему чего-нибудь и на меня (Берия, Абакумов) – и он засомневался. Или, наоборот, думал, что меня можно «двигать»? ...

10 мая 1969 г.

Сегодня гуляли с Ликой⁹ и Леной¹⁰ по березовой роще и встретили министра здравоохранения СССР Б.В. Петровского [...] Б.В. Петровский вспоминал о Сталине. И.В. получил приглашение к Папанину, который построил дачу в виде льдины, бассейн и прочие «роскоши». Сталин приехал, вошел в дачу, не сказав ни слова вышел, сел в машину и сказал адъютанту: «Дурак!». На следующий день «помесье» конфисковали, отдали под детский сад, его сняли с работы, а один из сподвижников Папанина (Шершнева?), не закончив недостроенный им дачи, сдал ее государству, где и живет сейчас по линии Совмина Б.В. Петровский.

⁸ Межлаук Валерий Иванович – заместитель председателя ВСНХ СССР с 1924 г., 1-й заместитель председателя Госплана СССР с 1931 г., заместитель председателя СНК и Совета труда и обороны (СТО) СССР, председатель Госплана СССР с 1934 г. В 1937 нарком тяжелой промышленности СССР. Член ЦК ВКП (б) с 1934 г. Репрессирован в 1938 г.

⁹ Жена Лидия Семенова.

¹⁰ Дочь Елена Семенова.

31 января 1970 г.

Н.С. Патоличев много рассказывал мне о прошлом. Он пишет мемуары, в т.ч. о работе со Сталиным, к которому питает глубокое уважение. Говорил, что Сталин очень доверял молодым сотрудникам, прислушивался к мнению других и нередко менял свои решения, если находил доводы других правильными. Любил прямоту суждений. В 1946-48 гг. Патоличев был секретарем ЦК (вместе со Ждановым, Кузнецовым, Маленковым). Потом Маленкова сняли за провалы в авиации [...].

8 февраля 1970 г.

Патоличев говорил мне в Вене, что он уже 3 года работает над мемуарами, в которых главная роль будет отведена Сталину. Патоличев был одно время близок к нему, бывал по несколько раз в день. Говорит, что у него иногда бывали колебания в оргвопросах: он то думал об узком Политбюро, то неожиданно выбирал Президиум ЦК из 25 чел; заводил комиссии для проработки отдельных вопросов (международные, производство, вооружения и пр.), но из этого нередко не получалось путного, т.к. иностранные дела все равно выходили на ПБ, и получалось средостение. Я вспоминаю, как мидовцы страдали от этих комиссий и бывали рады, когда они периодически распускались.

15 февраля 1970 г.

А.А.Смирнов рассказывал об эпизоде, о котором пишет А.Гарриман в своих воспоминаниях. Во время Потсдамской конференции Гарриман подошел к И.В.Сталину: «Вот Вы в Берлине. Вероятно, очень рады». «Чему же радоваться? – возразил Сталин. – Цари были в Париже»...

Без даты.

...Заведующий Африканским отделом Шведов рассказывал мне много лет потом на отдыхе: «Я переводил Сталину проект ноты собеседнику из Франции. Сталин с удовольствием повторял представленный мною на рассмотрение заголовок: «Проект проекта основ Мирного договора с Германией». Ему нравились подобные «шутки».

1 марта 1970 г.

А.А.Смирнов рассказывал, со слов М.А.Суслова, что Сталин в последние годы жизни, чувствуя близость конца, проявлял беспокойство по поводу выращивания более молодых руководящих кадров партии. С этим был связан приход в ЦК целой группы молодых деятелей (Патоличев, Кузнецов из Ленинграда и др.). Сталин считал, что от руководителей КПСС требуется сочетание теоретического взгляда на политику и практический политический талант. В теоретическом плане он рассчитывал на потенциал Суслова и Вознесенского. Сталин считал, что

такое мировое государство, как СССР, должно располагать устойчивыми и многочисленными кадрами, которые должны обладать необходимыми деловыми и политическими качествами и должны быть партийно воспитанными. Он заботился именно о стабильности кадров [sic!], хотя и строго взыскивал с них за провинность в партийной этике. Но проверенных людей двигал смело, им доверял и обеспечивал их в материальном отношении. Позднее Хрущев без террора и культа оттеснил подавляющее большинство подготовленных кадров, дискредитировал их и разогнал посредством множества реорганизаций и переорганизаций. В численном отношении кадры при Хрущеве были выбиты в большем числе, чем во время чисток Сталина [...].

31 марта. 1970

Н.П.Фирюбин рассказывал эпизоды из жизни партработников времен Сталина. Тогда он был секретарем МГК КПСС. Пришел утром на работу и видит на столе пепельницу из кабинета Сталина. У него потемнело в глазах. Звонит А.Н.Поскребышеву. – «Нехорошо, Вы так весь кабинет растащите. Пришлите обратно фельдъегерем». Спрашивает, кто сидел рядом. Отвечает – тт. Паршин и Ванников. Подозрение на Ванникова. А потом его предупреждали, чтобы не сидел с Ванниковым, он любил такие шутки.

5 апреля 1970 г.

Баскаков рассказывал, что Сталин хорошо относился к Хрущеву и даже по своему любил его. В Москве он держал его секретарем горкома, а когда стало сложно на Украине, послал туда. Во время войны он посылал его на крутые участки – был членом военсовета в Сталинграде, под Харьковом, а хотя Киев брать должен был Конев, по просьбе Хрущева Сталин поручил это Ватутину, где членом военсовета был Хрущев (для этого И.В. специально передал Ватутину танковую армию Ротмистрова, которая входила в подчинение Коневу). Сталину, видимо, нравилось иметь в окружении такого простоватого парня, вроде бы из рабочих, разбитного и ловкого. Но Хрущев погорел на «агрогородах» и затаил обиду. Потом попробовал посчитаться со Сталиным, да просчитался. «Не по сеньке шапка» оказалась.

12 апреля 1970 г.

Вчера был на даче у А.Н.Косыгина. Разговор поначалу был острый, но малопомалу все стало становиться на свои места. Он пригласил нас с Б.Т.Бацановым¹¹ на обед. Шутит, вспоминал о Сталине, Молотове и т.п... А.Н. вспоминал также о методе Сталина. Каждый день в 18.00 было заседание «семерки»¹². Повестки дня

¹¹ Бацанов Борис Терентьевич – в 1967-1991 гг. помощник председателя Совета министров СССР.

¹² Членов политбюро ЦК.

не было. Сталин приходил с бумагами в кармане. И предлагал на обсуждение вопросы. Кроме семи на заседания никто не приглашался. Сталин тут же диктовал текст решений, кто-либо из членов ПБ, по очереди ведший запись писал, а Сталин заглядывал через плечо и поправлял. Как правило, решения были точными и ясными. Потом и другие члены семерки подымали свои вопросы, а т.к. документы заранее не рассылались, то практически обсуждение было между очень узким кругом лиц. Решения оформлялись через пять минут Поскребышевым, который на заседаниях не присутствовал.

5 августа 1970 г.

Подцероб рассказывал мне о т.н. «гималайском инциденте», относящемся к 1923-24 гг. Будто бы И.В. сказал тогда Бухарину: «Среди членов ПБ есть только мы с тобой – Гималайи, остальные ничтожества. Давай, бери идеологические вопросы, я организационные». Бухарин не согласился, т.к. это означало и его собственный отход, поскольку оргвопросы означали расстановку кадров, и рассказал об этом в ПБ. И.В. заявил, что Бухарин хочет столкнуть между собой членов ПБ, и решительно отрицал этот разговор. Спустя месяц И.В. и Бухарин были в одной кампании и изрядно выпили. И.В. взял Бухарина за бороду и больно тряс его. Бухарин сказал: «Коба, оставь, видишь, мне больно». – «Ладно – ответил И.В. – С тобой и поговорить нельзя! Я тебе это не забуду». Этот эпизод и известен якобы под именем «гималайского».

Читаю (перечитываю) «Петра I» А.Толстого. Очень интересно, особенно учитывая время написания книги. Фигура Петра и его эпоха звучат как бы парафраз к современности писателя. Но независимо от этого время и Петра, и время Сталина выглядят, как героические времена. Подцероб рассказывал, что И.В. высоко ставил Петра и что в мемуарах, например, артиста Черкасова приводится его разговор со Сталиным, который говорил, что Иван Грозный был непоследовательным в борьбе с реакционным боярством - то напускал на него опричников, то уходил в монастырь. Де, это ошибка была, а надо было довести борьбу до конца и не ограничиваться полумерами.

Без даты.

...Сталин и Молотов часто вспоминали Гоголя. Я был случайно при утверждении проекта памятника Гоголю работы Томского; печальный андреевский убрали во двор дома, где умер Гоголь. – «Надо голову немного выше, - заметил Сталин. – Чтобы поверх смотрел»... Гоголевская Россия в коммунистических мундирах.

3 января 1971 г.

Смирнов А.А.¹³ рассказывал, что был свидетелем того, как И.В.Сталин отчитывал Маленкова. [...] Сталин стал ругать Маленкова, что он раззвонил [...] о работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». – «Это ты раззвонил. Я знаю тебя. А ты знаешь, почему и как написал я эту работу. Мне врачи сказали, чтобы я занялся какой-нибудь неполитической и невоенной работой. Я и взял это. Но какой я специалист в языкознании? Ясно, что никакой. Мне надо было отвлечься от моей работы, занять другим делом мозг. Но это же работа неспециалиста. Я интересовался всегда этой областью, но вы изображаете это, как открытие... Это возмутительно!"». А.А. добавил, что действительно Сталин был очень утомлен военными и политическими делами, которыми он непрерывно занимался. И врачи действительно прописали ему такое «отвлечение». А группа Маленкова использовала это иначе. Потом А.А. необычно резко стал критиковать Хрущева в защиту Сталина. «Ведь существовал не только Сталин, а все, кто входил в Политбюро – Молотов, Микоян, Каганович и др. Все они вместе решали дела, в т.ч. в 1937 г. Еще не сказана правда, почему и отчего это было так. И еще никто не доказал, будто Сталин был болен. Надо принимать во внимание обстановку, трудности, время»...

Бацанов Б.Т. рассказал, как Сталин спас Косыгина от гибели по Ленинградскому делу. Он получил на него от Берия и Маленкова обширный материал, как и на Вознесенского, Кузнецова и др. И послал весь материал Косыгину с резолюцией: «Прошу объяснить дело». Косыгин прочитал, пришел к Сталину, рассказал, что думал, и добавил: «Вот все. Это правда. Теперь решайте, как знаете». И Сталин поверил. Он вообще имел виды на Косыгина и близко держал его к себе по экономическим вопросам.

Без даты.

...Сам Сталин пытался, несмотря на огромную занятость другими неотложными делами, заниматься крупными вопросами теории. Но для решения задачи ему не хватало времени и сил, хотя местами он выходил на смелые обобщения в развитии теории в лоне творческого марксизма.

70-летний Сталин начал по совету врачей («для отдыха и отключения») работу над проблемами языкознания. В своих записках («заметках») он выступил против распространившихся «вульгарномарксистских» концепций профессора Марра, согласно которым языки были якобы продуктом классовой борьбы. Эти заметки (письма) Сталина были опубликованы в «Правде» между 22 июня и 28 июля 1950 года. Сталин писал, что язык был продуктом общей истории всех человеческих обществ. Это не «орудие господствующего класса», а общее наследие

¹³ Смирнов Андрей Андреевич – в 1946-1949 гг. член Коллегии МИД СССР и заместитель министра иностранных дел РСФСР, с 1970 г. заместитель министра иностранных дел СССР.

всех людей. Сталин указал на факты того, что ни одна великая революция прошлого не изменила современного ей языка.

В «письмах по лингвистике» он писал: «Рабы текстов и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные дедукции и формулы марксизма как собрание догм, которые «никогда» не изменяются, без учета изменений ступеней развития общества... Но марксизм как наука никогда не останавливается на месте: он развивается и совершенствуется. В ходе своего развития марксизм обогащается новым опытом, новыми знаниями: вследствие этого изменяются с течением времени в силу необходимости также его отдельные формулы и дедукции и заменяются в силу той же необходимости новыми историческими данными, формулами и дедукциями (обобщениями). Марксизм не признает никаких неизменных дедукций и формул, которые были бы применимы ко всем эпохам и периодам. Марксизм – враг всякого догматизма».

Достаточно перечитать послесловие Маркса ко второму изданию «Капитала», чтобы увидеть, что эти мысли являются перефразировкой основных положений марксистского диалектического метода. Но у нас многие довольствуются чтением популяризаторских работ о марксизме, не давая себе труда глубокого изучения и штудирования оригинальных работ классиков в их развитии.

Мне рассказывали очевидцы, как грубо ругал Сталин Маленкова за развернувшуюся в газетах хвалебную болтовню о Сталине, как о языкеводе.

«Шарлатаны и подхалимы! – кричал Сталин.- Вы же знаете, что я не языковед, что я написал эту работу по совету врачей для отключения напряжения от вопросов политики и обороны. А вы отдаете меня на посмеяние»...

Вслед за работой по языкознанию Сталин занялся изучением проблем экономики своей страны. В 1952 году он закончил эссе на 50 страницах «Экономические проблемы социализма в СССР». В принципе эта работа не дала нового в теории, но методологически она показывает стремление Сталина освободиться от догм, которым он был сам прежде подвержен.

И он ободрял писателей, драматургов, ученых к исследованию реальных процессов жизни. В это же время он занялся планами преобразования природы в СССР (строительство лесных полос).

11 апреля 1971 г.

Днем был разговор в «Лесных далях» с директором Мосфильма Н.Т.Сизовым. Он рассказывал со слов Шолохова следующее. В день 70-летия И.В.Сталина у него на даче собрались только члены Политбюро, Шолохов, специально приглашенный из Вешенской, и был Мао Цзе дун. Мао преподнес Сталину коробку с драгоценностями, которую И.В. тут же передал Светлане и сказал при этом: «Я не могу построить тебе дачу под Москвой, в Крыму или Прибалтике, т.к. дачу конфискуют на другой день после моей смерти». Берия и Маленков стали громко возражать, де мы Вас любим и никогда этого не будет. – «Вы первые и выступите

против меня, - парировал Сталин. – Потребовалось 300 лет, чтобы социалистическая Россия поняла значение деятельности Ивана Грозного». И Сталин дал понять, что его ожидает такая же судьба.

«Это похоже на тайную вечерю», - заметил В.Баскаков. А Н.Т.Сизов стал говорить, что о 30-х годах сказано далеко не все и очень односторонне. «Это было большое событие и оно возникло не вдруг. К тому времени сформировалась широкая оппозиция Сталину, которая сказала и в ходе XVII съезда ВКП (б).

17 октября 1971 г.

Посол в Конго (Киншаса) т.Лавров И.М. рассказал мне сегодня, что Сталин вернул записку МИДа по Совету по опеке с резолюцией, примерно такой: «Не надо опережать события. Надо ориентироваться на то, что реально существует. И надо поддерживать те движения, которые в действительности созрели». В этой связи Лавров вспоминал также, что названия партий в странах народной демократии («Албанская партия труда» и др.) – это все дело Сталина.

19 октября 1971 г.

Рассказали: на одном из больших приемов в Георгиевском зале шел сквозь коридор расступившихся гостей Сталин и др. Стаханов¹⁴ очень хотел, чтобы И.В. поздоровался с ним. И он вылез из толпы, подал руку и сказал: «Здравствуйте, т.Сталин». И.В.: «Я что-то не узнаю Вас». – «Я Стаханов, помните?! Я подстригся, Вы поэтому меня не узнаете». – «Вам может быть и фамилию сменить?».

На другом приеме пьяный Б.Н.Ливанов все спрашивал Сталина через стол: «Тов. Сталин. Я Ливанов, артист МХАТа. Как мне играть роль Гамлета». Несколько раз. Сталин, наконец, потеряв терпение, ответил: «По-моему, Гамлет – это продукт разложения феодального общества. А играть его надо, видимо, в трезвом виде».

7 ноября 1972 г.

Вернулись с встречи праздника на даче у А.Н.Косыгина. А.Н. рассказал следующее. «Из министров нас осталось мало – пожалуй, только я и Микоян. Микоян, он какой-то вертлявый. Помню Кагановича, - внезапно перешел он. – Мы были на энном юбилее у Сталина. Выступал Каганович. Тема тоста была у него сопоставление Ленина и Сталина. Получалось, что Сталин больше Ленина. Тут встал Сталин и спросил: «Лазарь, сколько лет мы знаем друг друга?» – «Больше 30 лет, товарищ Сталин», - ответил Каганович поспешно. – «Я знаю Кагановича тридцать лет и не знаю его 30 лет. Хочу спросить, кто позволил ему сравнивать

¹⁴ Алексей Стаханов – шахтер-ударник, по имени которого было названо «Стахановское движение».

Ленина со Сталиным и Сталина с Лениным?» Каганович стал белее этой скатерти, - он был очень трусливый ведь».

14 июля 1972 г.

Недавно завезли к себе на квартиру А.И.Микояна... О Сталине отзывался двойственно: «Это был гениальный, но злой человек. Он приказал уничтожить Михоэлса и наградил за это орденом. Потом мы орден отняли, но под суд не отдали – выполнял приказ»... Когда я сказал, что без Сталина мы не выиграли бы войну, он ответил: «Выиграли бы. С таким народом, как русский, выиграли бы».

19 августа 1973 г.

Вчера были на 50-летию Э.Н. Мамедова в «Лесных даях»... Были И.А. Бенедиктов (бывший министр сельского хозяйства при Сталине в течении 23 лет, потом посол в Югославии и в Индии, сейчас на пенсии), С.Г. Лапин, Л.М.Замятин, Ковалев, Бацанов, Алхимов (МВТ) и др.

За столом я спросил Бенедиктова, что он думает о Сталине. «Я, знаете, очень уважаю его, хотя имел от него 13 выговоров. Он хорошо понимал положение и перспективы государства, его возможности. На протяжении 23 лет работы министром, [...] имел не менее сотни разговоров со Сталиным. Положение сельского хозяйства было тяжелое, и я видел всякое, особенно во время войны. Ко мне сейчас многие обращаются, чтобы написал мемуары. Я колеблюсь, т.к. писать, что знаю, не время, никто не напечатает, да и не нужно, а писать по шаблону не хочу. Так вот, расскажу только один случай. Я видел все в деревне: и голод, и то, как пахали женщины, и крайний упадок. В сущности, из деревни все качали, ничего не давая взамен. Я раз собрал материалы и решил откровенно поговорить со Сталиным. Взял толстую папку, говорю: «т.Сталин, надо создавать стимулы деревне, так нельзя». Сталин встал и заходил по кабинету быстро, с беспокойством и в лоб спросил: «Вы что, заготовочные цены хотите поднять?» – «Да» – «И намного?» – «Да, т.Сталин, намного». Объяснил, что центнер картошки покупаем дешевле, чем стоит его перевозка. «Я с Вами согласен, - сказал Сталин. – Вы правы, и мы это непременно сделаем. Но Вы можете получить от американцев кредит на оборону и индустриализацию?» Я не ожидал этого и сказал, не могу. «Так вот. Когда мы выйдем из положения, то будем вести в деревне такую политику. Обязательно будем. Но сейчас не можем. Сейчас надо продержаться на энтузиазме, пропаганде, политике и даже отчасти, - тут он замялся, - на применении административных мер. Другого выхода у советской власти нет. Но потом обязательно займемся деревней, и надо будет вкладывать туда очень большие средства. Их у нас нет сейчас. Понимаете?!». Я привел еще несколько примеров бедственного положения деревни. «Ну, тут уж Вы специально для меня подобрали», возразил Сталин и прекратил разговор.

27 февраля 1977 г.

[А.А.Громыко] вспоминал о Ф.Рузвельте во время Ялтинской конференции. Было видно, что Рузвельт доживает последние месяцы, если не дни. В Ялте он прибалывал, и заседания были нерегулярными. Сталин, Молотов и Громыко как посол посетили его в палате царицы. Рузвельт не смог и встать. Лежал в постели не подымаясь. Сталин присел у кровати, Молотов около. Сходя по лестнице от него, которая отнюдь не имела дворцового характера, Сталин сказал: «Зачем природа относится так жестоко к этому человеку? Разве она не могла так сделать с кем-либо другим?»

25 октября 1981 г.

Вспоминаю Сталина. Его окружение. Суровое было время, вся жизнь. Мне рассказывали, как он создавал «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма». Было фронтальное наступление троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев на все основы ленинизма, стратегии и тактики партии международного коммунистического движения, ленинский план строительства социализма в нашей стране. Сталин – личность многосторонняя, отважная, непреклонная в убеждениях – наряду с оргвопросами после ухода из жизни Ленина, взял теорию. Архивы раскроют, сколь верно рассказывали мне товарищи о создании этих работ, ставших программой жизни целого поколения.

Он, видимо, составил план «Основ», четко фиксированный в оглавлении. Систематически штудировал Ленина по всему диапазону известных тогда работ (опубликованных, частью еще не-). Добивался сжатого, скульптурного изображения, четко представляя основные позиции противников ленинизма, работавших рядом – в штабах партии, государства.

На ближней даче, в зале, где были заседания Политбюро, клал на длинный стол стопками книги Ленина (и, видно, другие, но главное - Ленина). С закладками, пометками, выписками. Ходил вдоль стола и диктовал, складывая использованное вниз у стола. Это и физкультура (ходьба, сгибания и пр.) и думы, наброски. Когда проходил весь стол [...], кончал диктовку. Диктовал по плану, но, может быть, кое-что вразброс.

На этом кончал работу, переходил к другим делам. Получив стенограмму, выверял, получалось ли, опять читал Ленина (и противников), составлял снова стол с книгами и закладками. Передиктовывал или улучшал задиктованное тем же манером.

Опять за работу другую. И снова через некоторое время стол, диктовка, все книги внизу, вдоль стола.

Работа заняла, кажется месяца три-четыре. Время не ждало, подгоняла мысль.

Наверное, проверял задуманное и диктованное с товарищами. У него было коллективное, в основе, творчество, но стиль и сплав свой.

Коллектив подбирал из сливок преданнейших деятелей партии. Я очень редко слышал, кто в чем помогал или консультировал. Теоретически, по стилю, по заготовке отдельных ударных мест. По подготовительным трудам коллективов.

Так создавался «Краткий курс». По-моему, дело возглавлял сначала Е. Ярославский. А может, несколько групп. Обсуждали главу за главой, на отдельных заседаниях. Создавались блоки, этажи, уточнялись планы. Потом И.В. забирал все к себе и перековывал с учетом обменов мнениями и событий.

Четко видно, что дооктябрьский период сделан добротнее, основательнее, история и логика идут рядом, стройными шеренгами, по плану. Потом все становилось разбросаннее и целеустремленнее, полемичнее что ли, видно, много было других дел и «довлела дневи злоба его». Злоба сопротивления противников, ожесточенных споров, в чем-то стремление оправдать порою нелогичные практические действия руководства, ошибки даже.

Сталин повторял часто, что среди работ Ленина – самые важные – послеоктябрьские. Цитаты в «Основах» и др. главным образом из после- или предоктябрьских работ. Но вот в «Кратком курсе» лучше первый раздел. Видно решил проверить все на оселке истории партии, влез по уши в дооктябрьские работы и там дал новые главы, обобщения, куски. Ясно по заготовкам Ярославского и других историков партии.

Еще он задумал в 30-е годы «Историю гражданской войны». Работал больше как редактор и политик, теоретик. Вместе с Молотовым, Кировым, Ждановым (новое пополнение, на проверку, вроде Зиновьева у Ленина в годы первой мировой войны), Горьким. Хватило сил и времени на первый том. Во втором только отдельные куски, планы частей, мысли. Потом издание продвигалось на уровне Жилина, ушло в песок.

Речь на XIX съезде партии. Отчетный доклад отдал Маленкову, почти не вникал – болел, не было времени, ревность и проверка перед грядущими поколениями. Смотрите, мол, разницу (это как политотчет Зиновьева XIII съезду). Сам же готовил приветственную речь иностранным делегациям. Краткое *summa summatum*. В чем-то недотянутое, во многом недооцененное посмертно.

Писал на бумаге, листками, клал в голенища сапог. Утром переписывал. Черновики сжигал, свертывая трубкой и поджигая сверху, чтобы все сгорело (метод подполья, видно). Собственными руками мешал пепел и бросал в корзину. Речь произнес неожиданную для всех. И снова сел, как в последние годы отдельно от ПБ, одинокий в мыслях и переживаниях старик, цепко державший в руках все и властно использовавший «орудие принуждения» даже в отношении товарищей.

Ревностно проверял смену. Брал главным образом молодежь. Работал с ними (см. Патоличев, военные и др.). Во времена наиболее интересные для будущего были незаписанные - устные высказывания, которые передавались молодыми вверху из уст в уста. Этого никто не собирал, кроме, может быть, военных и мыслителей типа Патоличева.

В политике кадров были и увлечения, но действующую сейчас команду «всырую» отбирал он сам. И время показало – в общем правильно, хотя принципы отбора были другие. Очень искал партработников с уклоном к теоретическим обобщениям и вообще «теоретиков» (Суслов, Жданов, Чесноков, Кузнецов А.А. и др.).

5 октября 1988 г.

Мне рассказывали, что после советско-германского договора искали фигуру посла в Берлин. Было два кандидата: Бородулина – директора Текстильного института и Шкварцева – секретаря парткома там же. Сталин попросил В.М. познакомиться с этими лицами. Он поставил один вопрос: «Какой сейчас самый невралгический пункт в политике». Шкварцев ответил, не задумываясь: «Литва». – «Так что же мы думаем: вот он и есть посол, а Бородулин – торгпред. К сожалению, это был случай, когда глупые люди изрекают умные вещи. Шкварцев завалился очень скоро, а Бородулин был до войны неплохим торгпредом.

Для меня это интересно, так как назначение меня сперва именно в Литву говорит, какое значение они придавали усилению полпредства там. И Сталин спрашивал Н.Г.Позднякова: «Ну, как у вас работает Семенов?» Ответ был положительный. А по архивам я увидел, какие острые запросы в Каунас писал В.М., как он подтягивал и пробирал. Я работал на полную выкладку гимназиста. Но все-таки был послан из Литвы в Берлин...

Без даты.

...Сталин не всегда видел вещи верно. Но влиял на германскую политику определяюще, в том числе предоставив Жукову и мне свободу принятия решений на месте без запроса Москвы на базе известных установок партии. Это сыграло немаловажную роль во всем дальнейшем развитии. И позволило нам вести дело без участия неосведомленных в них членов Политбюро. А высшее руководство германскими делами сохранялось все время у Сталина и Молотова.

31 декабря 1988 г.

... Я стою в оцеплении на крайнем ряду Мавзолея, как студент гуманитарного факультета МИФЛИ. Выходят члены Политбюро, а первым И.В.Сталин, молодой, веселый, пружинистый, уверенный в себе человек. Я думаю, это было до 1936 г., так как следующее воспоминание относится к декабрю 1934 г. Я стоял опять в оцеплении молодежи перед Домом союза в похоронах С.М.Кирова. Впереди всех был автомобильный лафет с телом Кирова, на котором стояла солдатская каска. В 15-20 мм от лафета шел Сталин. Он заметно выделялся от других членов Политбюро, скорбный и одинокий в мертвые в то время дни.

Следующая встреча с ним была уже в конце войны, в апреле 1945 г. Она описана в других тетрадах и набросках. Повторяться нет сил. Да и не надо.

Многие встречи потом принадлежат истории КПСС, СЕПГ, нашей стране и потом ГДР. Остается неизгладимое впечатление встреч. И как трудно, как невыразимо тяжело воспринимать то труднейшее время...

7 апреля 1991 г.

Посмотрел газеты. Перечитал две речи Молотова на Парижской конференции. Очень интересные речи. Они показывают характер и интеллект Молотова. Он не так был прост, как думают и изображают некоторые. И это было за два года до его «разоблачения» Сталиным как «американского агента». Значит, у М. были уже серьезные столкновения с ним, коль скоро он решился на такие фокусы против своего старого товарища по февральской и октябрьской революции. Все было не так просто, как теперь кажется и изображается, вопреки истине. А истина не однолинейна, она многогранна.

25 апреля 1991 г.

Сейчас слушаю 10-ю симфонию Шостаковича под управлением Караяна. Она написана после первого концерта для скрипки с оркестром (март 1948 г. – первое исполнение май 1955 г.). Конечно, эта симфония у него программная. Рецензент пишет, будто Шостакович прямо говорил, что многие части (особенно 2-я) написаны против Сталина и его паранойи.

Паранойя, видимо, была. Но была и личная трагедия Сталина: после войны, которую выиграла, были в стране громадные разрушения. И Сталин обдумывал под этим углом зрения уроки войны и будущее Советского Союза. Он понял невозможность противостоять давлению времени без коренного изменения методов и взглядов, которые были до войны и в ее начале. Понял необходимость работать со специалистами и переменить прежнюю практику, когда политбюро решало все вопросы, не считаясь с мнением специалистов. Война научила его необходимости постоянно работать со специалистами разных отраслей, не отвлекая других от их вопросов, проблем и задач.

11 июня 1992 г.

...Стал копаться в завалах. И обнаружил совершенно невероятное. В двух папках было много написано: «В архив. Для этой книжки не подходит!» А там как раз интереснейший материал по призыву в НКВД, о Молотове и предыстории Литвы в сентябре 1939 года у Сталина с Риббентропом. И я был послан в Литву в октябре! А спустя пару месяцев Сталин спрашивал у Позднякова: «Как работает Семенов»? Полпред дал хорошую характеристику. Сталин промолчал. Но значит перемещения мои шли и при личном внимании не только Молотова, но и Сталина. И это продолжалось и в Берлине: по записке о «новом порядке» Гитлера в Европе и в мире, и при оккупации Берлина. Сталин спрашивал Соколовского: «Кто писал речь в Контрольном совете? – «Семенов». Трубка бряк. «Кто пи-

сал статьи по искусству», - «Семенов». И снова бряк, а потом проверка через Пушкина.

13 августа 1992 г.

Не знаю, какие разногласия возникали у Молотова и Сталина перед объявлением ВМ американским агентом. Нужно бы достать все 146 встреч Чуева с Молотовым. Напряженность отношений шла от Сталина, который считал В.М. и Микояна догматиками и американскими агентами. Это болезнь была у Сталина? Параноика? Когти?

Без даты.

...В последние годы жизни Сталина за кулисами разыгрывались такие драмы, взволнованные крупные разговоры и подлинные трагедии, в которых нити и пружины оставались скрытыми, тайными, сокровенными. Чтобы найти и понять скрытые пружины, движущие этот исторический процесс, надобно на время оторваться от него.

К таким событиям я бы отнес опалу В.Молотова и А.Микояна в канун XIX съезда партии, когда Сталин объявил обоих американскими агентами. «Ты что, Коба, с ума сошел», - вскричал Молотов. Но Сталин развернул обвинения и в речи на пленуме ЦК после съезда (я на пленуме не присутствовал, хотя впервые был избран в Центральную ревизионную комиссию ВКП (б), но мне рассказывали о речи Сталина мои друзья).

Молотов вспоминал в общих чертах эту историю. В его дискредитации в глазах Сталина сыграл позорную роль К.Ворошилов, видимо, запомнивший отставку его из Ленинграда по предложению комиссии Молотова. Наветы нашептывали и помощник Сталина А.Н.Поскребышев, а также начальник его личной охраны генерал Власик. У тех были какие-то личные бытовые мотивы. А Сталин входил в то время в апогей «культы личности», который ему сперва претил [sic!], а потом «немножко понравился». Молотов говорил мне, что согласился принять титул «генералиссимуса», - это военные настояли, - говорил он Молотову. Ну, какой я генералиссимус и что мне это дает? Я совсем и не военный...».

Очевидно, у Сталина и Молотова в то время были острые принципиальные расхождения. На XVIII партийной конференции Молотов был единственным, кто голосовал против пункта о репрессиях. Многого я не знаю, он был не разговорчив по делам на верху партии. Но скрытая пружина стала вылезать много позже. Очень влиятельные члены политбюро преследовали цель – ослабить позицию Сталина в ЦК, изолировать его. А для этого надо было оттеснить Молотова, подорвать его влияние в партии и государстве. Отношения Сталина и Молотова были очень близкими еще по нелегальной работе и тюрьмам с 1912 года, они шли рядом и в годы гражданской войны, и во все потом время. Они откровенно и подробно анализировали вдвоем труднейшие проблемы ведения войны, внешней по-

литики и создания антигитлеровской коалиции. Авторитет обоих в стране был громадный. Но люди они были все-таки разные.

Сталин был сыном бедного грузинского сапожника из крепостных, жил в тяжелой нужде, скитался по тюрьмам и ссылкам, был познакомлен Ворошиловым на IV съезде партии с Лениным и с тех пор стал одним из его главных помощников в организации крупнейших акций в подполье, а потом и в подготовке и проведении Октябрьской революции 1917 года. Сталин много читал книг с детства и знал, можно сказать, наизусть многие основные работы Ленина. Молотов был моложе Сталина, пришел в партию из студентов, после революции стал одним из секретарей ЦК. Ленин присматривался к молодому сподвижнику, подолгу гулял с ним в Кремле, давал ему ответственные поручения. И со Сталиным как генсеком ЦК Молотов работал самоотверженно и верно.

Но взгляды обоих не всегда во всем совпадали. К тому же примешивались семейные отношения. Молотов был женат на еврейке, Полине Семеновне Жемчужиной, очень душевной и близкой спутнице мужа. Это она была на квартире Ворошилова в 1932 году, когда разгорелся острый спор между Сталиным и его женой Надеждой Аллилуевой, после которого Надежда, очень рассерженная, долго гуляла ночью с Жемчужиной по Кремлю, а вернувшись домой, застрелилась.

Сталин считал, что это была часть заговора против него, и со стороны планов семейства Аллилуевых, которые были сосланы из Москвы. В 1945-1946 году я был покорен внутренней душевной красотой Полины Семеновны, с которой общался при побывках в семейной обстановке в Москве или Берлине. Она участвовала в наших разговорах по Германии, вносила в деловые, нередко жестковатые беседы, женскую душевность и теплоту.

Полина Семеновна была арестована по приказанию Сталина в связи с ее близкими отношениями с послом Израиля в Москве Голдой Меир, которая была потом долгое время премьер-министром Израиля.

Сталин потребовал развода Молотова с Жемчужиной, но встретил решительный отказ. «Что он, не может найти другую? [...]» - бушевал он. А Молотов присутствовал на собрании в Кремле, где исключали Жемчужину из партии. Молча ушел, а Жемчужина вернулась через девять лет из ссылки поседевшая и постаревшая. При похоронах ее на Новодевичьем кладбище Молотов плакал.

Между Сталиным и Молотовым пробегали искорки, но Молотов неизменно был с ним; в поздние годы он повторял родным и близким, что считает величайшим счастьем жизни, что работал, и долго, с таким великим человеком, каким был Сталин.

Молотов оставался, и после объявления его «американским агентом», в составе Политбюро и на должности мининдела, но ему был закрыт доступ к секретным и служебным материалам. Он приходил в кабинет, читал газеты и некоторые записки и уходил.

Он сказал мне как-то, помнится, это было в 1948 или 1949 году, чтобы мы не слали никаких запросов в Москву, так как Сталин болен. И решать германские дела некому, так как другие члены политбюро заняты хозяйственными и другими делами, а по Германии решения за Сталиным.

Оттеснение и диффамация Молотова сказались позднее. Тут я принужден ходить ощупью и не берусь определительно судить о трагедийных событиях, не уступающих шекспировым, а то и покруче их.

12 сентября 1992 г.

Утверждение, будто мы могли через восстановление единства рабочих партий выдворить из Европы США, как говорил об этом Рузвельт в Ялте, то здесь кусочек правды замешан на ложке лжи. Рузвельт ставил вопрос о сроках оккупации и хотел отвод войск через 2 года, Сталин имел именно такой срок и сам придерживался его. А в Тегеране Рузвельт представил свой план расчленения Германии на 5 государств, при том заметил, что каждое государство будет иметь, вероятно, свою зону. Черчилль был тоже за расчленение. Почему? Они хотели покончить с Германией как агрессивной силой в Европе. Почему? Потому, что едва не потерпели крушение в Европе (ВБ) и на тихоокеанском театре (Япония). Тут было сведение интересов, которое было закреплено в тексте Потсдамского соглашения, которое было написано Трумэнном и принято с маленькими поправками. Так что Потсдам – это создание американское. И мы были за, не желая продолжения войны.